

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Э. Воскресенская

ОРКЕСТР

*Издательство
„Детская литература“*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ОРКЕСТР

РАССКАЗЫ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1986

Рисунки О. Филипенко

Дорогие юные читатели!

Перед вами сборник рассказов писательницы З. И. Воскресенской «Оркестр». В него входят рассказы: «Клятва» — о том, как рождалась Красная Армия, «Девочка с косами» — о юной патриотке, ставшей подпольщицей в тылу врага, «Оркестр» — рассказ бывшего воина-радиста, в юности добровольно ушедшего на фронт Великой Отечественной войны и мужественно выполнившего свой долг.

Зоя Ивановна Воскресенская известна как автор книг для юных читателей о В. И. Ленине, семье Ульяновых, Н. К. Крупской. Это «Повести и рассказы о Ленине», «Сердце матери», «Надежда», «Костры», «Октябрь Ильича».

В творчестве писательницы значительное место занимают книги о пионерах и октябрятах: «Девочка в бурном море», «Ястребки», «Ленивое солнце» и художественно-публицистические книги: «Дорогое имя» — о партии, о Ленине, «Слово о Великом Законе» — о Конституции СССР, «Консул» — о советских дипломатах.

По книгам З. И. Воскресенской поставлены кинофильмы «Сердце матери», «Верность матери», «Надежда», «Сквозь ледяную мглу», телевизионный фильм «Великие матери», радиоспектакли «Лучшая отметка», «Солнце погасить нельзя» и др.

Писательница З. И. Воскресенская — лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола.

4803010102—528
В М101(03)86 218—86

КЛЯТВА

День был хоть и майский, но студёный, ветреный, как в октябре. Липы совсем уже приготовились сбросить румяные колпачки с туго закрученных листьев, да раздумали — холодно. Только акации в палисадниках бесстрашно распушивали на ветру свои зелёные пёрышки.

И мальчишкам холод был нипочём. Обжигая босые ноги о холодный булыжник, они беспокойной стайкой носились возле завода Михельсона, чего-то нетерпеливо ждали.

Серпуховская улица жила своей обычной жизнью: у пекарни вытянулась длинная очередь за хлебом, по мостовой лениво цокали ломовые лошади, высекая подковами искры, изредка позванивал трамвай и скрежетал тормозами на поворотах.

Только за высокой дощатой стеной завода было оживлённо. Сквозь щели забора мальчишкам было видно, как рабочие спешно наводили порядок на

заводском дворе, ровняли дорогу от проходной к Гранатному корпусу, посыпали её зернистым жёлтым гравием.

Ребята и свою помощь предлагали, но старый рабочий Пётр Никифорович, который всеми делами командовал, сердито крикнул:

— Марш по домам, простудитесь! Ишь холодина какой! Нечего вам тут делать.

Ребята ничего не успели сказать в оправдание, в это время грянул марш, и на Серпуховскую улицу из переулка вышел военный оркестр. Музыканты шагали посередине мостовой и дули в ярко начищенные медные трубы. За оркестром выплыли полковые знамёна: новые, праздничные, красные, а за ними бесконечной вереницей шагали молодые красноармейцы. И если зажмуриться, то слышалось, что это шагает один очень большой и сильный человек, крепко на всю улицу выстукивая: раз-два, раз-два, раз-два!

Ребята мигом пристроились впереди оркестра и старались идти широким шагом, в такт музыке, и Кирюшка старался, хотя и был меньше всех.

Василий маршировал в составе Варшавского красного полка правофланговым; он сразу заприметил среди ребят своего меньшого братишку, узнал его по своему пиджаку, который болтался на Кирюшкиных плечах, как мешок.

Раскрылись окна в домах, остановились прохожие, затормозил трамвай, и все смотрели на красноармейцев, и улица сразу стала праздничной.

А мальчишки ни на кого не смотрели, они, как и красноармейцы, глядели вперёд и браво вошли в широко распахнутые ворота и вместе с оркестром остановились у входа в Гранатный корпус. И никто их не прогонял, и сам Пётр Никифорович понимал, что это будущие красноармейцы, которым тоже придётся защищать Советскую Республику.

Раз-два, раз-два, раз-два! — хрустит под ногами

гравий, и красноармейцы вступают на расчищенную рабочими дорогу, на которой ещё свежи полосы от железных граблей. По бокам приветливо помахивают зелёными пёрышками акации, за ними живой стеной стоят рабочие: парад принимают, первый парад своей молодой, только что созданной Красной Армии.

Прошёл Варшавский красный полк, Сводная караульная дружина, за ними в Гранатный корпус потянулись рабочие. Они заняли места вдоль стен, между станками, на подоконниках, предоставив середину огромного цеха своим дорогим гостям. Мальчишки протиснулись в цех вместе с оркестром.

Раздалась команда «Вольно!». Василий оглянулся. Кругом знакомые лица, добрые и взыскательные взгляды. Смотрят рабочие: худо одеты красноармейцы. Шинели пообтрёпаны, в дырах, в опалинах — видно, побывали в боях. Фуражки разные, на некоторых ещё зимние папахи. Башмаки разбиты, по у всех ноги в новеньких зелёных обмотках.

Командиры, такие же юные, как и красноармейцы, в таких же новеньких обмотках, прохаживаются перед строем, чего-то ждут, волнуются. Рабочие узнали Василия. На заводе Михельсона он работал вместе с отцом. Отца убили на фронте, а Василий вступил в Красную гвардию и в Октябрьские дни семнадцатого года штурмовал Зачатьевский монастырь. Монастырь для революции никакого интереса, конечно, не представлял, но в нём засел буржуйский штаб, и дружинники вышибали его оттуда.

Василий поискал глазами Зину. Вон она стоит на подоконнике, тербит руками кончик красной косынки. Губы сжаты, а глаза улыбаются, улыбаются ему, Василию. Кирюшка пристроился возле барабанщика и таращит глаза на брата, первый раз видит его в военной форме.

Неожиданно прозвучала команда:

— Смир-но!

Шаркнули сотни ног и замерли.

И все мальчишки стали по команде «смирно» — руки по швам, спины выпрямили, животы втянули, вот только глаза не научились слушаться: скосились на боковую дверь.

Дверь распахнулась, и в цех вошло несколько человек.

На какой-то миг исчезли все звуки, и тут же взметнулось «Ура-а-а!» — не по приказу командиров, а по команде сердца: рабочие узнали Владимира Ильича Ленина. Он шагал рядом со Свердловым, в тёмном пальто, в кепке, чуть сдвинутой набок. Поднялся вслед за Яковом Михайловичем на трибуну, сбитую из свежевыструганных досок, остановился, повернул лицо к людям и что-то сказал. Улыбнулся, отчего щёточка усов вздёрнулась кверху.

Никогда ещё стены Гранатного цеха не слышали такого бурного ликования.

Владимир Ильич постоял минутку, вынул из кармана часы и выразительно постучал по крышке, посмотрел на командиров — чего же, мол, не наведёте порядок.

А командиры, как мальчишки, не могут сдержать буйной радости. Повернулись к строю и, всё ещё не в силах согнать с лица улыбку, весело скомандовали:

— Смир-но!

В огромном корпусе мигом стихло и посветлело. То ли оттого, что майское солнце пробило наконец студёные тучи, то ли от улыбок и блеска глаз.

Яков Михайлович раскрыл портфель, вынул листок бумаги и, поправив пальцами дужку пенсне, сильным голосом произнёс:

— Сегодня у нас большой праздник, торжественный день, товарищи. Бойцы нашей юной, но уже проявившей себя в боях Красной Армии принимают торжественное обещание, дают клятву на верность народу. Я буду читать текст торжественного обещания, и каждый из вас повторит его слова за мной.

Василий напрягся. Сейчас он должен принести социалистическую клятву перед лицом своих товарищей по заводу, перед лицом самого Ленина. От волнения ему показалось, что у него пропал голос.

Яков Михайлович подошёл к краю трибуны. Владимир Ильич встал рядом с ним.

Перед трибуной стайка мальчишек — запрокинули головы, во все глаза смотрят на Ленина. Владимир Ильич снял кепку, и Кирюшка снял свою фуражку, потом оглянулся на командиров — те взяли под козырёк.

Кирюшка поспешно водворил на голову отцовскую солдатскую фуражку и крепко прижал оттопыренный большой палец к виску.

Яков Михайлович кашлянул и начал:

— Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии...

— Я, сын трудового народа... — одним дыханием повторили красноармейцы, и гулкие стены корпуса отозвались эхом.

— Я обязуюсь... в борьбе за Российскую Социалистическую Республику, за дело социализма и братство всех народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни...

Василий не спускал глаз с Ленина.

Владимир Ильич стоял неподвижно, чуть подавшись вперёд; пальцы, сжимавшие кепку, еле заметно вздрагивали; глаза не таясь говорили: вам, молодым бойцам, предстоит тяжёлые испытания, и партия вам верит, народ доверяет вам защиту своей свободы, своей победы.

И в ответ слышалось:

— Я обязуюсь по первому зову рабочего и крестьянского правительства выступить на защиту Советской Республики...

Пётр Никифорович смотрел на Владимира Ильича и думал: «Ты, Ильич, в юности дал клятву служить

народу, выволить его из неволи. Когда ты дал эту клятву? Может быть, в тот день, когда пришла страшная весть о казни твоего старшего брата, а может быть, ещё раньше, в симбирском саду, слушая рассказы отца о нужде и темноте народной? Никто не слышал этой клятвы, но все знают о ней по твоим делам, по подвигу твоей жизни. Ты сдержал её, и я, старый рабочий, клянусь вместе с сынами нашими защищать нашу победу, нашу Советскую власть».

Прозвучали последние слова клятвы... Наступила торжественная минута молчания, и командиры не спешили нарушить её.

А после команды «Воль-но-о!» всё смешалось. Рабочие подходили к красноармейцам, жали им руки, поздравляли. Красноармейцы прикалывали себе на грудь красные металлические звёзды.

— Что это за звезда? — спросила Зина, подойдя к Василию.

— Это Марсова звезда, что значит — военная, — ответил он, — а плуг и молот — видишь, в середине звезды — означают, что защищаем мы рабочих и крестьян всего мира, — с гордостью добавил Василий.

— Марсова звезда — по-нашему, Марксова, — сказал Пётр Никифорович. Глаза его были влажны.

— Поздравляю вас, товарищ, с принятием социалистической клятвы, — услышал Василий и поднял глаза.

Перед ним стоял Владимир Ильич. Василий отдал честь. Надо было сказать какие-то очень важные слова, но он смутился и не мог придумать ничего торжественного, а Владимир Ильич вдруг спросил:

— Вы женаты, товарищ?

Василий окончательно смешался и бросил взгляд на Зину.

— Нет ещё, Владимир Ильич.

— А невеста есть?

Василий стал красный как кумач.

— Невеста есть.

И Кирюшка, стоявший рядом, понял, что о Зине говорит Василий, и она спряталась за чью-то спину и затеребила концы косынки.

— Не забудьте пригласить на свадьбу, — улыбнулся Владимир Ильич Зине. — У вас будет хорошая жена, верный товарищ, — сказал он Василию. — А вы, видно, фронтовик? — спросил Владимир Ильич другого красноармейца, бросив взгляд на его старую, выдавшую виды шинель.

— Так точно! — ответил босц, и широкая улыбка осветила его лицо.

— Ваша семья в деревне? Ждут вас, соскучились?

Владимир Ильич умел распознавать людей, хотя все они были в солдатских шинелях, и умел прочитывать их затаённые мысли.

— Так точно, в деревне. Собирался к ним ехать, да пельзя сейчас. Вот когда буржуев добьём, тогда и поеду.

— Да, врагов у нас много, и повоевать придётся, — серьёзно ответил Владимир Ильич и, протянув руку Петру Никифоровичу, спросил: — Ну, а вы отдыхать не собираетесь?

— Какой там отдых, Владимир Ильич! Теперь у нас есть армия, и ей нужно оружие. Будем работать изо всех сил.

Мальчишки, не отставая, ходили следом за Владимиром Ильичём, перешёптывались, их что-то сильно занимало. Наконец, подталкиваемый ребятами, Кирюшка спросил:

— Вот мы хотим знать, с каких лет в Красную Армию принимают?

Взрослые на Кирюшку зашикали, зачем такое озорство, а Владимир Ильич дотронулся до солдатской фуражки мальчика, понял, что это отцовская фуражка и раз она на голове сына — значит, погиб отец, серьёзно ответил:

— Ты подрастёшь и обязательно будешь красно-

армейцем, настоящим защитником Советской страны.
Правда?

— Правда! — ответил Кирюшка, подняв глаза на Владимира Ильича, и, встретив его по-дружески серьёзный взгляд, повторил: — Правда!

Красноармейцы строились.

Рабочие встали по обе стороны живой стеной.

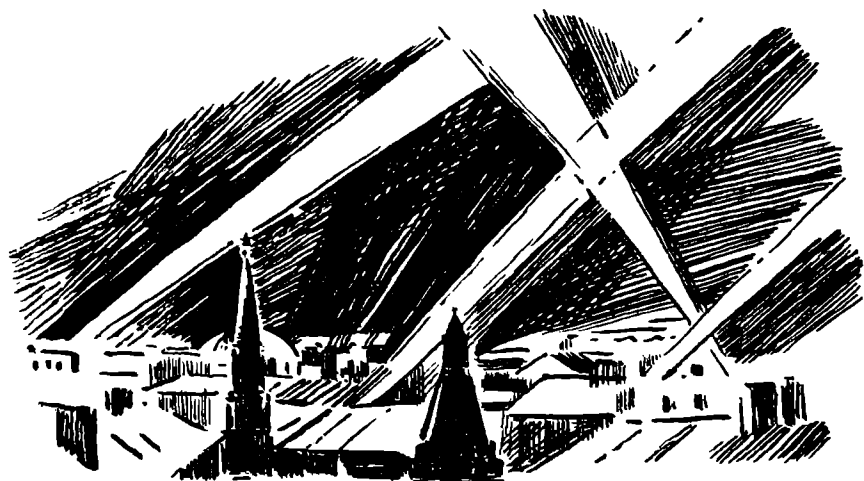
Грянул марш.

Владимир Ильич смотрел на проходящих мимо бравых красноармейцев и думал о том, что у молодой Республики Советов есть крепкая, надёжная защита.

И Кирюшке показалось, что большой и сильный человек зашагал ещё крепче, и теперь его шаг слышен, наверно, по всей Советской земле: раз-два, раз-два, раз-два!

Это было в субботу, в студёный день 11 мая 1918 года в Москве, на заводе Михельсона, посвящем теперь имя Владимира Ильича.

ДЕВЧОНКА С КОСАМИ

Мама в первый день войны убежала домой, уложила в чемодан белый халат, прижала к сердцу Киру и бабушку и взяла с обеих слово, что они будут беречь друг друга.

«Война будет недолгая — скоро вернусь!» — уже на пороге крикнула мама.

Словно на ночное дежурство в больницу убежала. И папа исчез внезапно, и теперь он там, на фронте.

Первое, что сделала бабушка, — это задёрнула чёрной шторой полку с книгами на немецком языке.

«Непатриотично теперь читать немецкие книги», — решила она. И даже прекратила обязательный час разговора с Кирой по-немецки.

Вся жизнь перевернулась из-за войны. Только в школе учились по старой программе и к завтрашнему дню Кире надо подготовить «Сон Обломова».

«...И какие бы страсти и предприятия могли волновать их? Всякий знал там самого себя», — прочи-

тала Кира и отбросила книгу в сторону. Включила репродуктор. Артистка пела арию Виолетты из «Травиаты», от которой у Киры всегда навёртывались на глаза слёзы. Бабушка сидела над раскрытой книгой, смотрела в одну точку и о чём-то думала.

— Бабушка, как ты считаешь, патриотично сейчас читать про сны Обломова, патриотично плакать над судьбой Виолетты, когда на фронте гибнут тысячи людей? Кому нужны концерты, старые книги, география?

Бабушка закрыла книгу. Посмотрела на внучку.

— Людям это нужно, чтобы не очерствело сердце, чтобы не забывали о человеческом достоинстве. Мы отстаиваем в этой войне мировую культуру, а не только жизнь человека.

— «Мы, мы!» — воскликнула Кира насмешливо. — Это мы-то с тобой отстаиваем? Мы? Прячемся каждую ночь, как мыши, в бомбоубежище. Я должна идти на фронт, понимаешь, на фронт. Я радистка, первый стрелок в школе...

— Я дала матери слово беречь тебя! — строго оборвала бабушка Киру.

— Вспомни себя, когда ты была молодая, ты рассуждала иначе, а меня понять не хочешь, — терзала Кира бабушкино сердце. — Старая ты, мы по-разному с тобой думаем.

Бабушка горько усмехнулась.

Для Киры её бабушка, которой стукнуло пятьдесят пять лет, была глубокой старухой. Когда человеку пятнадцать, все старше двадцати пяти кажутся ему стариками.

— Давай хоть раз поговорим серьёзно, без ссор, ведь мы всегда так дружили с тобой, — начала было Кира, но её прервал вой сирены, и размеренный голос диктора оборвал нежную песню Виолетты.

«Граждане, воздушная тревога! Граждане, воздушная тревога!»

Бабушка заторопила внучку:

— Прилетел! Живо собирайся!

По неосвещённой лестнице большого дома двинулось два потока людей: старики и женщины с детьми, цепляясь за невидимые перила, спешили вниз, в бомбоубежище, другие — посильнее — бежали на чердак, на крышу гасить зажигалки.

Кромешная темень окутывала город, и только в небе шарили прямые лучи прожекторов и трассирующие пули яркими стежками прошивали тёмное небо. За Москвой беззвучно полыхали огненные языки противоздушных батарей.

В бомбоубежище женщины укладывали на деревянные нары детей, загораживая их собою, словно птицы крылом. Старики устраивались на табуретках вдоль стен.

Кира заняла своё место у дверей. Измученные за день работой и многими бессонными ночами, люди засыпали сразу тяжёлым, тревожным сном. Ни одной улыбки на лице, даже дети спят, насупив брови, закусив губы. В углу на табурете тихо плачет женщина, обхватив лицо ладонями, покачиваясь из стороны в сторону. Это Мария Дмитриевна, соседка. На днях она получила траурное извещение — погиб на фронте её сын. Бабушка сидит и утешает Марию Дмитриевну.

Кире вспомнился сон Обломова. Каждый в том мире знал только самого себя. Нет, не может Кира знать только себя, не может прятаться в бомбоубежище вместе с младенцами и стариками. На фронт... на фронт...

Девушка представила себе поле боя. Она ползёт с зажигательной бутылкой в руках по густой траве, невидимая как змейка. Двигается вражеский танк, вот он уже совсем близко. Кира кидает бутылку под гусеницу. Стальная машина, задыхаясь, встаёт на дыбы, рушится, горит. Кира ползёт дальше. Перед ней второй танк. Взмах... Бросок...

Стены сотряслись от грохота. С потолка посыпа-

лась штукатурка, и свет лампочки замигал в белой пыли.

Женщины вскочили с нар, ребята дружно заревели. Страх... страх... страх... был написан на лицах людей.

Кира встала спиной к двери, протянула руки вперёд, сиюсь сдержать толпу.

— Товарищи, остановитесь! — кричала она. В горле першило от пыли. — Товарищи, назад! — надрывалась Кира, и её голос тонул в панических криках.

— Женщины, спокойно, спокойно, — возник над толпой уверенный голос. — Посмотрите вверх — потолок цел, лампочка горит. Бомба упала в сквере. — Это был голос бабушки, и от этого голоса, бодрого, доброжелательного, затихала паника, люди приходили в себя. Бабушка разводила женщин по местам, смахивала с нар белую пыль, помогала укладывать детей.

«Воздушная атака отбита. Отбой! Отбой!» — раздалось наконец долгожданное.

Люди выходили на улицу, жадно глотали воздух, пахнувший свежей землёй, зеленью. Под ногами вместо твёрдого асфальта — взрыхлённая земля, дорога завалена вывороченными деревьями. В небе гасли звёзды, занималась холодная сентябрьская заря.

— Тимирязев исчез! — крикнул кто-то.

В сумраке на фоне поредевших деревьев возвышался постамент, но хорошо знакомой фигуры учёного на нём не было. Недалеко от постамента зияла огромная воронка. На площади лежал на боку искорёженный взрывом трамвай. Угловой дом был разрушен, и на уцелевшей внутренней стене поблёскивал маятник на часах. Часы продолжали ходить.

Прибыли красноармейцы на машине и стали убирать с трамвайных путей вывороченные с корнем липы, разбрасывали лопатами мягкую землю.

— Здесь он! — обрадованно воскликнул красноармеец, отбросил лопату в сторону и руками стал разгребать землю.

Статуя учёного лицом вверх лежала в нескольких метрах от постамента. Кира зачерпнула осколком плафона воду, бившую из повреждённой трубы, и смыла землю с лица учёного. В гневных глазах его отразились первые лучи солнца.

Бабушка разыскала Киру и потянула её домой: надо поспать перед школой. У крыльца дома толпились люди: управляющая домом объявляла, чтобы готовились к эвакуации и что школа с сегодняшнего дня закрывается. Бабушка вместе с другими пошла в домоуправление получить посадочные талоны, а Кира побежала в райком комсомола. Сегодня она решила быть непреклонной. Не раз она была в райкоме, почти каждый день по пути из школы бегала в военкомат, и старый офицер, завидев её, ворчал: «Опять эта девчонка с косами явилась». Далась ему Кирины косы. А может быть, в них всё дело?

В райкоме былолюдно, шум стоял невообразимый. Узнав об эвакуации, мальчишки и девчонки, вся эта «недоросль», как их называли в военкомате, спозаранку явились сюда, и вот требуют послать их на фронт, на самую что ни на есть передовую.

В приёмную вышли секретарь райкома комсомола и офицер. Шум моментально смолк. Мальчишки одёрнули школьные гимнастёрки, по-солдатски подтянули ремни.

— Кто знает немецкий язык и радиodelo, отойдите к окну, — сказал секретарь райкома.

Кира отошла вместе с двумя мальчиками и девчушкой. Офицер внимательно оглядел всех четырёх и сказал:

— Девочка с косами, подойди сюда.

Секретарь райкома, офицер и Кира прошли в кабинет...

По дороге домой Кира завернула в парикмахерскую.

Пожилая парикмахерша спросила:

— Помыть?

— Нет, остричь, и как можно короче, — ответила Кира, села в кресло и быстро расплела косы. Волосы рассыпались по спине и свесились почти до пола.

Парикмахерша пострекотала в воздухе ножницами, собрала в горсть Кирины волосы, взвесила их на руке и бросила ножницы на мраморный столик.

— Иди домой и забудь дорогу в парикмахерскую. С такими волосами — ты Василиса Прекрасная, а без них будешь лопухим мальчишкой.

— Мне необходимо их остричь, — взмолилась девушка.

— На фронт собираешься? — понимающе заметила женщина. — А красоту всё равно губить не надо. Пусть кто другой, а у меня рука не поднимется.

— Нашли что жалеть! — вспыхнула Кира, но сидеть в очереди к другому мастеру не было времени. «Сама отрежу», — решила она.

Дома бабушка укладывала в чемодан Кирины вещи и напевала свою любимую: «Под натиском белых наёмных солдат отряд коммунаров сражался...»

— Завтра ты едешь в эвакуацию, — решительно сказала бабушка. — Такой приказ коменданта города.

— А ты? — спросила Кира.

— Я — послезавтра со вторым эшелонем. Я договорилась с Марисей Дмитриевной, чтобы она заменила тебе мать и бабушку. — Голос бабушки дрогнул. — И ей с тобой будет легче перенести потерю сына. Ты будешь её слушаться, как меня.

— Хорошо, бабушка. — Кира прижалась к ней.

Бабушка смахивала со щёк непрошеные слёзы.

— Я пойду с девочками попрощаюсь. Можно?

— Иди, только ненадолго, у меня вечером партсобрание, а нам о многом ещё надо поговорить.

Ровно в пять часов Кира, запыхавшись, взбежала на шестой этаж большого дома за Крымским мостом. Позвонила. Дверь открыл пожилой человек в очках с толстыми стёклами. Под левой рукой у него был костыль.

«Старый и без ноги. Это не он», — подумала Кира и спросила Григория Ивановича.

— Я самый и есть, — ответил человек с костылём. — Жду девочку с косами. Как тебя зовут?

— Кира.

Сели за круглый стол. Григорий Иванович спросил:

— В военкомате была?

— Была.

— Отказали?

— Да.

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать.

— Мне в четыре раза больше. И я был, и мне отказали. Говорят — стар, говорят — обязательно две ноги должны быть у солдата, а откуда возьмёшь вторую, когда в девятнадцатом потерял. Не вырастет вторая. Нет. Говорят — поезжайте в эвакуацию.

— Вы своё отвоевали, вам и эвакуироваться не стыдно. А мне? — грустно вздохнула Кира.

Григорий Иванович крикнул и бросил на девушку недобрый взгляд.

— Своё отвоеваем, когда победим, а сейчас фашисты к Москве рвутся.

Кира поняла, что обидела человека.

— О задании тебе говорили? — уже мягче спросил Григорий Иванович.

— Нет, проверили только как радистку, об остальном вы мне скажете.

— Стирать умеешь? Гладишь хорошо?

Кира пожала плечами:

— Стираю. Мамин халат всегда я глажу, она

любит накрахмаленный и хорошо отутюженный халат.

— Так... так... Мама — врач? На фронте?

— Да. И отец на фронте.

— Немецкий язык хорошо знаешь?

— Бабушка говорит, что прилично.

— Почему она так решила?

— Она преподавательница немецкого языка и меня учила. Только сейчас не работает. Послезавтра уезжает в эвакуацию.

— Ну что ж, стариков и детей надо эвакуировать, зачем их подвергать опасности... Чаю хочешь? — И, не дожидаясь ответа, Григорий Иванович пошёл на кухню.

Кира осмотрелась. Большой кабинет, тяжёлая кожаная мебель. На стенах фотографии. На одной Михаил Иванович Калинин пожимает руку Григорию Ивановичу, а левой рукой протягивает ему раскрытую коробочку с орденом. На другой Григорий Иванович, молодой, с обеими ногами, с кривой саблей на боку, папаха лихо сдвинута на затылок. Много фотографий Григория Ивановича в окружении детей, пионеров, рабочих.

Хозяин принёс дымящийся чайник, поставил его на круглый стол и стал шарить в буфете. Положил на тарелочку розового марципанового поросёнка.

— Отличная штука к чаю, — сказал он. — Правда, подзасох, несколько лет подряд на ёлке висел, внуки не успели съесть. Теперь мы полакомимся. — Григорий Иванович расколочил сахарными щипцами поросёнка.

Пили чай. Хозяин расспрашивал гостью о школьных делах, комсомольской работе. Поговорили о спорте — Григорий Иванович болел за «Спартак», — о литературе, о положении на фронтах.

— Ну что ж, — вдруг сказал он, — на мой взгляд, мы сумеем вместе работать. А работать нам придётся в тылу врага.

— В партизанском отряде? — обрадовалась Кира и с сомнением посмотрела на Григория Ивановича — какой из него партизан без ноги.

— Отряд будет состоять из трёх человек. — Григорий Иванович серьёзно посмотрел на девушку. — Командовать отрядом поручено мне. Ты будешь держать радиосвязь с Большой землёй, третий товарищ — мой помощник, шифровальщик, прачка, переводчик — мастер на все руки. Замечательная женщина. Я знал её девчонкой с косами.

Григорий Иванович вспомнил, как вместе они работали в подпольной большевистской типографии, как сражались на баррикадах в революцию пятого года. Встретил её затем во время гражданской войны на колчаковском фронте. Потом надолго потерял из виду.

— А вчера познакомился с ней в райкоме партии. Сначала не узнал, потом пригляделся, поговорил, вижу — она вовсе не изменилась. Сегодня и ты её увидишь.

Для посторонних отряд Григория Ивановича будет обычной семьёй: мать, отец и дочка. Эта новая советская семья после нескольких дней напряжённой учёбы и тренировок в тёмную, безлунную ночь будет высажена с самолёта на парашютах на территории, занятой противником. С котомками за плечами, под видом эвакуированных, они пойдут на восток, в город Н., где расположена штаб-квартира гитлеровской армии, и останутся там на жительство.

— В молодости я был часовых дел мастером, — сказал Григорий Иванович. — Теперь пригодится. Буду чинить немецким офицерам часы. Тебе с твоей новой матерью придётся стирать бельё.

— И на немцев? — испуганно перебила Кира.

— Вот именно на немцев, на офицеров. Вы должны быть отличные, незаменимые прачки, не знающие ни одного слова по-немецки.

— Я ненавижу немцев! — пылко воскликнула Кира.

— Не все немцы звери, не все фашисты. Многие с отвращением относятся к войне. Есть такие, которые не меньше нас с тобой ненавидят фашизм. Мы будем искать их.

— И вы думаете, что мы найдём таких?

— В городе, где мы устроимся, есть уже один такой друг. Он ждёт нас, чтобы передать важные сведения о планах гитлеровского командования.

Кира молчала.

— Очень кстати, что у меня только одна нога, — сказал с довольным видом Григорий Иванович. — Немцы не мобилизуют на работы. Очень хорошо, что у тебя косички, с ними ты выглядишь совсем несмышлёнышем. Но всякое может случиться... — добавил он, задумавшись.

Уже темнело, когда в передней раздался звонок.

— Вот пришла наша мама. Сейчас мы подробно обсудим план дальнейших действий, хорошенько познакомимся друг с другом. — И Григорий Иванович пошёл открывать дверь.

Кира сидела взволнованная и думала о большой и сложной жизни, которая ей предстоит. Справится ли она? Справится. Она будет стараться походить на ту женщину, о которой рассказывал Григорий Иванович. Вот только как бабушка? Как её предупредить? Кира ей напишет письмо, большое, ласковое. Напишет маме, чтобы та не сердилась за то, что бабушку оставила одну.

Кира слышала, как в передней Григорий Иванович вполголоса разговаривал с женщиной. И какая эта названная мать, с которой Кире придётся перенести много трудностей и лишений? Будет ли она ей настоящим другом, каким была в её жизни бабушка?

Григорий Иванович открыл дверь и сказал:

— Проходи, проходи, познакомься с нашей дочкой. Такая же девчонка с косами, какой я знал тебя. И даже похожа.

Кира встала со стула и обмерла: в дверях стояла её бабушка.

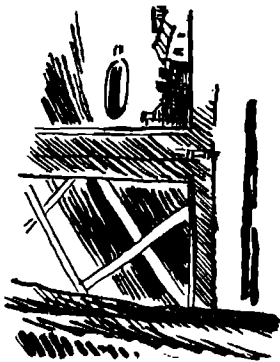
— Ты зачем здесь? За мной?

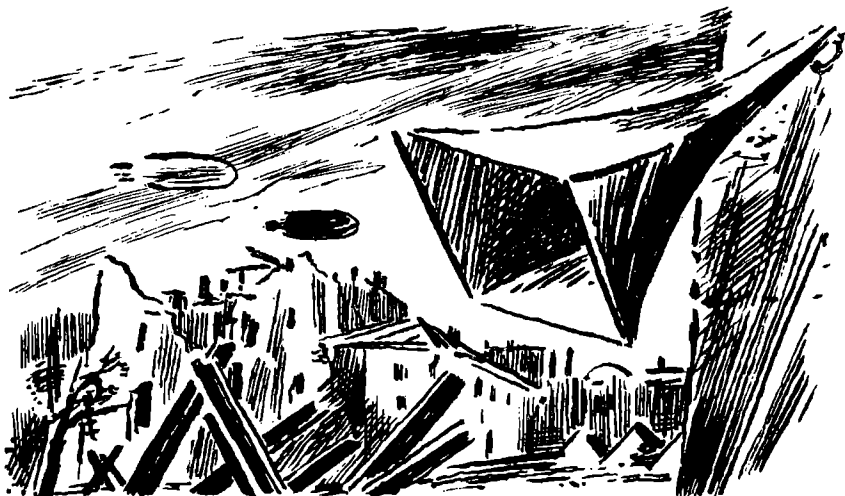
— А ты как сюда попала?

— Э, да вы, оказывается, знакомы? — удивился Григорий Иванович.

— Это ж моя внучка, Кира, я тебе о ней говорила.

— Нет, теперь это уже не внучка, а родная наша дочка. — Григорий Иванович снял очки, вынул из кармана платок и стал протирать их. — Райком комсомола нам её рекомендовал.

ОРКЕСТР

Рассказ сына

Обычно я стараюсь выехать на работу с первой электричкой, что-то около половины пятого утра. Поезд из Текстильщиков до Курского вокзала доставляет меня за десять минут. В это время в поездах и на улицах свободно и спокойно, телефоны в лаборатории молчат, и можно несколько часов заняться настоящим делом. Я люблю свою профессию радиоконструктора, иначе чего бы я вставал в такую рань. Без этой работы я не мыслю себе жизни.

А в то июньское утро я приехал на Курский вокзал около десяти часов. Сошёл с поезда и сразу попал в людскую круговерть, которая увлекла меня навстречу маршевой музыке.

Когда-то в детстве на первомайской демонстрации в Смоленске, услышав звуки марша, я обмирал от восторга, останавливался, а потом со всех ног нёсся за оркестром. Это радостное состояние невозможно ощутить, слушая оркестр по радио или записанным на

плёнку, его можно почувствовать, только шагая с оркестром рядом.

И сейчас меня потянуло к нему. Вижу, в окружении армии родителей движется батальон пионеров, отъезжающих на летний отдых. Духовой оркестр впереди. Пристроился, пригляделся к музыкантам. Играют без нот. На груди покачиваются и позвякивают медали. У кого «За оборону Ленинграда», у кого — Севастополя, Северного Кавказа, Советского Заполярья, «За взятие Будапешта», Кенигсберга, Вены...

Все музыканты постарше меня лет на пять—десять. У фанфарного трубача нет руки, пустой левый рукав заправлен под ремень, второй трубач — на костыле, у флейтиста четыре нашивки — за тяжёлые ранения. Прикинул — все их награды, вместе взятые, превысили бы количество нотных знаков исполняемой песни.

А по перрону, освещая его белизной рубашек, огоньками галстуков, сиянием глаз, шагают пионеры, рота за ротой, взвод за взводом... нет, простите, отряд за отрядом, звено за звеном...

Да сегодня же 22 июня!

«Взвейтесь кострами, синие почки, мы пионеры дети рабочих!»

Столько лет прошло, а песня эта берёт за душу, и так хочется сбросить с себя груз лет и недугов.

— Куда отправляются пионеры? — спросил я музыканта, когда он опустил свою флейту.

— В Бердянск, в пионерлагерь.

Сердце бешено забилося.

— В Мерликовую балку?

Но флейтист приложил мундштук к губам, мигнул карим глазом, подал знак, и оркестр грянул: «...До старта остаётся четырнадцать минут».

Началась посадка в вагоны.

Этой песни в мои пионерские годы мы не знали. Не было её и не могло быть. Будущий Колумб Вселенной, мой земляк Юра Гагарин, учился тогда мастерить

бумажного змея, мечтая запустить его выше облаков, и готовился идти в первый класс школы. А мы тогда усваивали на уроках химии, что атом — самая малая и неделимая частица вещества.

Да. Это было 22 июня 1941 года...

На рассвете меня разбудили петухи. Обыкновенные деревенские петухи, которых на улице Горького в Москве не услышишь. Загоготали гуси, закудахтали куры. В этот оркестр вступили ударные звуки топора. Я натянул одеяло на голову, а потом отбросил его, сел на кровати и стал соображать. Итак, окончен восьмой класс.

Только вчера утром мы переехали на дачу. Сняли деревенский домик на берегу Истры. Целый день помогали бабушке и тёте Нюше разбирать вещи, мыть, прибирать.

А сегодня мы с Мишкой отправляемся на Азовское море. Я подбежал к кровати приятеля и стал по его голой пятке выстукивать пальцем точки и тире: «По-ра... вставай!» Мишка брыкнулся и, не открывая глаз, простучал по спинке кровати азбукой Морзе: «От-стань!»

— Миш, ты что, забыл, какой сегодня день? — спросил я.

— Какой-какой, дай поспать. — Мишка сунул голову под подушку.

— Двадцать второе июня. Сегодня мы едем в пионерский лагерь. А нам ещё надо успеть вскопать грядки, посадить лук, укроп, салат и разный прочий винегрет. Вернёмся из лагеря, будем пожинать урожай.

Мишка высунул заспанное лицо, разулыбался во весь рот, сел на кровати, зевнул.

— А который час?

— Не знаю, — ответил я. — Будильник у бабушки в комнате, а мама с папой ещё спят. Пойдём копать, услышишь, вся живность поёт, гогочет, и солнце уже светит вовсю.

Я глянул в окно. Солнце лохматое, словно непричёсанное, пробивалось сквозь берёзовые ажурные кроны.

— Ух ты! Пионерлагерь... Море... Девятый вал сбивает тебя с ног.

Мишка запустил в меня подушкой. Я ответил тем же. Началась бомбардировка подушками.

Бабушка услышала нашу возню, заглянула в комнату.

— Тише вы, маму разбудите.

— А папа уже встал? — спросил я.

— Опять застрял, не приехал. А ведь сегодня воскресенье...

Мы с Мишкой вышли в сени, взяли по лопате и пошли вскапывать огород.

Огород был всего в четыре грядки. Земля влажная, рыхлая и такая пахучая.

Я воткнул лопату в грядку.

— Знаешь, Миш, мне вдруг стало грустно оттого, что я последний раз в жизни еду в пионерлагерь.

Мишка снисходительно усмехнулся:

— Тебе хочется остаться пионером до седых волос?

— Но ведь никогда это больше не повторится, а взрослыми мы будем до конца наших дней, — заметил я.

— Я раньше не подозревал в тебе сентиментальности, — солидно произнёс Миша. Он был на полгода старше меня и ехал в пионерлагерь только из товарищеской солидарности.

Мы наконец вскопали, выровняли грядки.

Бабушка дала нам лук, семена, показала, что и где сажать.

Вышла на крыльцо мама в халате, босиком, волосы закручены на бумажки.

— Куда же наш папка девался? — спросила она. — Обещал приехать не позже двенадцати ночи, а сейчас уже шестой час утра.

— Едет, едет! — закричали мы с Мишей, завидев в клубах пыли машину на дороге.

— Наконец-то, — обрадовалась мама, а бабушка поспешила в сени разжигать керогаз, варить кофе.

Машина остановилась, из неё вышел красноармеец.

— Товарищ старший лейтенант, вас требуют немедленно в штаб, — отковырял шофёр.

А старший лейтенант, то есть моя мама, стоит в голубом халате, с бумажными завёртками на голове и вовсе не похожа на лейтенанта, тем более на старшего.

— Сию минуту! — ответила она и побежала внутрь избы.

— Случилось что-нибудь? — спросила бабушка. — Война?

— Не могу знать, — ответил красноармеец.

Мама распахнула окно.

— Мальчики, собирайтесь-ка живо, я вас по пути заброшу домой.

Наши рюкзаки были упакованы ещё накануне. Мы с Мишей быстро натянули рубашки и брюки, а пионерские галстуки прилаживали под воротником уже в машине. Тогда вместо узла пионерский галстук скреплялся зажимом. Мама в гимнастёрке, подпоясана ремнём, на петлице воротника три кубика. Она расчесала свои кудряшки, натянула на голову берет.

Ехали молча. На улице Горького, возле нашего дома, шофёр притормозил, мы с Мишей выскочили из машины, мама крикнула нам вслед:

— Не забудьте позавтракать, в буфете хлеб, масло, яйца, сыр. Сидите дома и ждите моего звонка.

Мы с Мишей вскипятили чайник, я поджарил яичницу-глазунью, заправились, взяли по горсти ирисок и устроились на подоконнике. Никакой, конечно, войны и никакой тревоги. Сверху видно, как по улицам движутся, словно плывут, автобусы, велосипедисты жмутся к тротуарам, пешеходы с рюкзаками, и все спешат в сторону Белорусского вокзала, за город, на отдых.

День тёплый, солнечный. Я включил радиоприёмник. Передавали музыку, песни, читали стихи. Телефон молчал.

Мы лежали с Мишей на подоконнике, болтая ногами, перестукивались, зубы у обоих склеились ирисками.

Дом наш на углу, и на перекрёстке всегда стоит милиционер-регулирующий.

— Как ловко орудует своей палочкой, как жонглёр, — восхищённо заметил Миша.

— Это что! Вот мы пойдём с тобой на Красную площадь. Там возле храма Василия Блаженного стоит регулировщик на круглой подставке, так его со всей Москвы приезжают смотреть. Иностранцы фотографируют, для кино снимают.

В это время пришёл сменщик регулировщика.

— Миш, — толкнул я локтем приятеля, — смотри, у милиционера на плече карабин. Почему?

Миша пожал плечами.

— Может, ловят какого-нибудь преступника?

И вдруг разом оборвалась на полужаде песня, и из громкоговорителей на улицах, по радио в квартире зазвучал голос диктора: «Граждане Советского Союза! Через несколько минут будет передаваться важное правительственное сообщение. Слушайте все. Слушайте все...»

Мы с Мишкой вцепились в подоконник обеими руками... На улице всё замерло, всё остановилось, как в стоп-кадре.

Эти несколько минут показались вечностью.

Наконец раздался размеренный, суровый голос: «Сегодня, в четыре часа утра... без объявления войны германские войска напали на нашу страну...»

Война... война...

«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Война... война...

Люди выходили из автобусов, переходили на дру-

гую сторону улицы, чтобы ехать обратно домой, велосипедисты и пешеходы с рюкзаками тоже поворачивали назад. Никто не бежал, не кричал. Все только словно ближе придвинулись друг к другу, говорили вполголоса.

Меня это сообщение ошеломило и взорвало злостью. Фашистская Германия напала на нас, значит, Гитлеру скоро каюк. Слово «кают» вошло в обиход позднее.

— Ну и зададим же мы фашистам,— кувыркался Мишка на диване.— Ну и зададим. Будет знать Гитлер, как совать своё свиное рыло в наш советский огород.

И я был того же мнения.

— Может быть, отложат нашу поездку? Поедем после победы,— высказал Миша предположение.

— Эх, не доросли мы с тобой малость. Мне даже в пионерлагерь ехать расхотелось,— признался я.

— Но ты же несколько часов назад жалел, что в последний раз едешь в пионерлагерь,— резонно заметил Миша.

— То было другое время — несколько часов назад. Мы копали грядки и не знали, что идёт война. Бомбили друг друга подушками, а фашисты сбрасывали бомбы на наши города.

Задрезжал телефон.

Я схватил трубку... Звонил папа.

— Ты слышал, сынок? — спросил он.

— Да,— ответил я, задыхаясь от волнения,— слышал. Пап, правда, здорово? Теперь Гитлеру конец?

Отец помолчал и потом сказал негромко и очень серьёзно:

— Война — большая беда. Гитлеровцы ворвались на нашу землю. Бои идут вдоль всей западной границы. Мы несём большие жертвы.

— Папа, но мы же победим?

— Безусловно,— твёрдо ответил отец.— Но победа будет нелёгкой. Нелёгкой,— повторил он с ударени-

ем. — Я позвоню сейчас в Ленинград и спрошу Мишиных родителей, как быть с ним — отправлять в пионерлагерь или в Ленинград.

Я передал Мише трубку.

— Скажите, пожалуйста, папе и маме, что я хочу в пионерлагерь. Очень хочу. Ведь это последний раз в жизни. Потом мы будем взрослыми, — повторил он мои же слова.

Через час папа позвонил снова.

— Миша поедет сегодня в Ленинград. Так хотят его родители. А ты, если не возражаешь, поедешь в пионерлагерь.

— Да, конечно, — ответил я.

Мы с Мишей приуныли. Жаль было расставаться в такой час. Хотелось вместе дождаться победы. Мы шесть лет просидели с Мишей за одной партой в ленинградской школе, вместе занимались в кружке радиолюбителей, вместе ездили в пионерский лагерь. Седьмой и восьмой классы я заканчивал в Москве, куда перевели на работу моих родителей.

Договорились с Мишей, что, вернувшись из лагеря, я приеду к нему в Ленинград. Август проведём вместе. В том, что война к тому времени закончится, мы не сомневались.

...Через несколько часов пионеры выстроились у клуба. Я оказался в 13-м отряде старших — «последних пионеров». Он был замыкающим. Где-то впереди играл оркестр. Мы двинулись. Родители, обгоняя друг друга, шли по тротуару. Остановились автомобили, давая дорогу пионерам. Шагаем по Садовому кольцу к Курскому вокзалу. А впереди — оркестр, и все мы подчиняемся ему. Он ведёт вперёд, к победе.

На перроне пятьсот пионеров выстроились, как на военном параде, а родители, которым предстояло одним уже сегодня, другим завтра встать на защиту Родины, метались по перрону, разыскивая своих детей... Отец по-мужски пожал мне руку, прижал к себе, мама долго целовала меня. Маленькая вспышка

досады обожгла моё сердце из-за блеснувших на глазах бабушки слёз. Я не знал тогда, что не увижу родителей больше трёх лет, что прощаюсь с ними надолго. Никто тогда не знал, что будет Завтра, никто не знал, чем кончится Сегодня.

Мы разместились по вагонам, прилипли носами к окнам. Поезд тронулся. В наступивших сумерках мелькали руки, много, много родительских рук.

Угасали звуки оркестра, сгущались сумерки, по нигде не было видно огней. В вагонах под потолком загорелись синие лампочки, окна были наглухо зашторены.

Начальник пионерского лагеря Алексей Михеевич прошёлся по вагонам, и все задавали ему один и тот же вопрос — как дела на фронте, куда продвинулась наша Красная Армия.

Алексей Михеевич отвечал:

— Точных сведений не имею. Идут ожесточённые бои. Но знаю твёрдо: мы победим!

— Ура-а-а! — кричали мы в ответ.

Ночью спали плохо. Перешёптывались, и, конечно, все разговоры были только о войне, и все мы были уверены, что не успеем доехать до Осипенко (так тогда назывался Бердянск), как враг будет разбит в пух и прах...

Море встретило нас ласково, пологими волнами, отсвечивающими голубым атласом на солнце. Мальчики из 13-го отряда разместились в крайней палатке возле аэродрома, на котором расположились шесть истребителей МИГ-1. Мы с гордостью поглядывали на них, считая их солидной защитой не только города, лагеря, но и всего Азовского моря.

На торжественное открытие пионерлагеря пришли лётчики, прибыл духовой оркестр. Под руководством Алексея Михеевича сооружали костёр. Таких костров я ни в одном пионерском лагере не видел. Поджигали его сразу с нескольких сторон, и змейки пламени ползли по сухим стеблям кукурузы, соединялись в

огненный сноп, высоко в темноту поднималась алая ёлка огня, от которой летели игольчатые искры и расцвечивали небо звёздами, а оркестр исполнял: «...ведь от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее». И пятьсот пионеров, вожатые-комсомольцы и лётчики пели эту песню с особым подъёмом, с непоколебимой верой в нашу победу.

Потом я видел только костры войны...

Строем ходили купаться в море. Наблюдали, как рыбаки оснащали свои сейнеры какими-то новыми сетями и устройствами. Все они были одеты в морские тельняшки.

— Теперь мы приписаны к Азовскому военному флоту, будем ловить не рыбку, а фашистские мины, — объясняли они нам.

По вечерам к нам приходили лётчики, мы устраивали для них самодеятельные концерты, вместе пели песни, расспрашивали их о положении на фронтах, а они передавали слово в слово сводки Совинформбюро, которые мы сами слушали по радио. Нам хотелось знать больше. Лётчики пожимали плечами. Мы понимали: военная тайна. Эти встречи продолжались недолго. На город стали падать бомбы. Однажды мы недосчитались на аэродроме одного самолёта, потом не стало ещё двух... Лагерь был затемнён. Костров не разводили. Ночью, высунувшись из-под полога палатки, мы видели яркие пунктиры трассирующих пуль, по небу шарили два светлых клинка прожекторных лучей. Иногда эти клинки скрещивались и засекали вражеский самолёт. От него отделялась чёрная точка, прочёркивала небо, падала в море, раздавался глухой взрыв, и всплескивалась высокая водяная чаша.

Перестали приходиться лётчики. Один за другим покидали лагерь наши пионервожатые-юноши: их призывали на службу в армию. Как мы завидовали этим комсомольцам! Мы, старшие пионеры, с утра до вечера копали вокруг лагеря траншеи. По ночам всё чаще стал раздаваться заунывный сигнал воздушной

тревоги, почему-то напоминавший мне крик испуганного петуха. Мы вытаскивали из палаток малышей и, полусонных, испуганных, тащили в укрытие.

Мы были уже в зоне войны. Как я тогда горел желанием получить в руки автомат, прицелиться в самую сердцевину проклятой гитлеровской свастики и увидеть, как от моей пули, кувыряясь, падает в море фашистский самолёт. А Алексей Михеевич поручал нам, старшим, по очереди заниматься младшими, водить с ними хороводы, разучивать новые песни, заниматься физкультурой, следить, чтобы они не объедались незрелыми абрикосами и шелковицей...

На лагерной площади появился стенд с надписью: «Отличники-пионеры по оборонительным сооружениям». Среди других я увидел свою фотографию. Обрадовался? Нет — разозлился. Я работал так, как и все. В нашем отряде были ребята и помоложе меня, и поменьше ростом. Я страсть как не люблю, когда меня выставляют напоказ, как пай-мальчика. Не люблю, когда ругают. Я ковырнул перочинным ножом свою фотографию и сунул её в карман. По моим понятиям, отличником в лагере был один наш начальник, Алексей Михеевич. Он всё это время почти не спал и ел на ходу, осунулся, похудел. Мы понимали, что он отвечает за нашу судьбу — за пятьсот пионерских душ. Он был улыбчив, любил шутку, но умел быть строгим и требовательным. Слушались его беспрекословно, верили ему и очень любили. Он приглашал к работе, как к игре: «А ну-ка, ребятки, давайте ка сдвинем это бревно. Его ни одна бомба не прошибёт». И мы хором кричали: «Эй, ухнем, ещё раз, ещё раз, сама пойдёт». И бревно ложилось поперёк траншеи.

Он был обязан доставить нас в Москву в целостности и сохранности. Бегал в город, раздобывал вагоны, доставал для нас продовольствие, лекарства. Дорога через Харьков, по которой мы ехали в Осипенко,

была уже перерезана. Везли нас обратно окружными путями, держали сутками в тупиках, чтобы пропустить военные грузы, а для Алексея Михеевича самым важным грузом были мы, ребята. Часто раздавался звук сирены, поезд тормозил, и мы скатывались из теплушек в кюветы и вжимались в землю. Я чувствовал, как содрогается земля, физически ощущал её боль, и дымящиеся воронки от взрывов представлялись ранами на родной земле.

Алексей Михеевич доставил нас в Москву, голодных, грязных, но всех до единого, ни одного тяжело больного, ни одного раненого. Он совершил настоящий подвиг.

Мы шагали по Москве и не узнавали её. Теперь уже ряды пионеров теснились к тротуару, уступая дорогу танкам, грузовикам, раскрашенным в зелёно-коричневый цвет. Большие витрины магазинов были завалены мешками с песком, на всех окнах наклеены белые полоски крест-накрест, золотые купола церквей закрашены серой краской...

Дома меня встретила бабушка.

Я готовился к слезам, охам и ахам. Но бабушка просто крепко обняла меня. Запавшие глаза её были сухи. Родители мои уехали через несколько дней после моего отъезда — это я знал из бабушкиного письма.

— Где сейчас папа с мамой? — спросил я.

— В энской части, — серьёзно ответила бабушка. — Все наши в энских частях. — И по грустинке, которая мелькнула в её глазах, я понял, что она беспокоится и о судьбе своих сыновей — моих дядей, которые в первый же день войны ушли на фронт.

В нашей квартире все окна были выбиты, одна оконная рама и вовсе была выворочена.

— За нашим домом бомба упала, так у нас взрывной волной все стёкла вышибло, и наклейки на окнах не помогли, — объяснила бабушка. — Иди в ванную, вымойся как следует. Колонку я затопила последний раз, больше дров нет.

Я схватил со стола кусок хлеба и побежал в ванную. Ну и грязен же я был!

А потом уселся за стол на кухне и обеими руками заталкивал в рот хлеб, колбасу.

— Да не давься ты, прожёвывай как следует, — говорила бабушка.

От ванны и еды меня совсем разморило, и я свалился спать. На кухне стояла бабушкина кровать, и для меня была приготовлена раскладушка. К окну было прибито ватное одеяло, которое на день откидывалось.

Когда я проснулся, бабушка гладила моё бельишко, которое уже успела выстирать.

— Я хочу побродить по Москве, посмотреть, какой она стала, — сказал я.

— Пойдём вместе, — предложила бабушка. — И имей в виду, что Москва на военном положении. Вечером без пропуска ходить нельзя, и «он» прилетает почти каждый вечер около десяти часов.

— Кто это «он»? — спросил я.

— Кто? Гитлер. Но не очень-то «он» разгуливается, наша зенитная артиллерия бьёт метко, и только некоторые самолёты прорываются. Сегодня я дежурю во дворе, — сказала веско бабушка, — женщины — во дворе, мужчины — на крыше.

— Значит, я буду дежурить на крыше, — решил я.

Мы вышли на улицу. По мостовой двигалась колонна автомашин, и в них покачивались какие-то странные фигуры, закутанные в этот жаркий день в войлок и рогожу.

— Это вывозят музейные ценности — скульптуры, картины, чтобы они не погибли от бомб, — объяснила бабушка.

Подшли к Охотному ряду. Перед гостиницей «Москва» люди большими кистями, больше похожими на метлы, раскрашивали площадь. Я пригляделся: макая кисти в вёдра с краской, на площади рисуют купы деревьев, крыши домов.

— А, это чтобы фашисты сверху не узнали Москву, — догадался я.

Да, все площади разрисованы. Большие художники работают над этим, — подтвердила бабушка. — Но «он» днём не прилетает, норовит почью, тайком, воровским манером.

Около двух месяцев прошло после начала войны, но как всё изменилось. Изменился и я сам. Детские наивные представления о лёгкости победы сменились тревогой, и я понимал, что не смогу остаться в стороне. Моя родина — Смоленск — в руках фашистов. Я представил себе фашистских солдат во дворе нашего дома на Кукуевке и ужаснулся.

Вернулись домой. Бабушка сказала, что скоро мне надо идти в школу, чтобы я приготовил учебники.

— Учиться-то надо, обязательно надо, — сказала она, словно угадав мои мысли. — Не победить мы не можем, жизнь будет продолжаться. Стране будут нужны грамотные люди, специалисты, учёные... Я тоже займусь делом. Ждала, пока ты вернёшься. Пойду работать в госпиталь, не зря же я курсы медсестёр кончила.

— Но бабушек в армию не берут, — возразил я.

— Это я для тебя бабушка, — рассердилась она, — а мне пятьдесят три года, не такая уж древняя и на здоровье не жалуясь.

— Извини, я не хотел тебя обидеть.

У меня тоже был свой план. Мама с папой оставили мне записку. Краткую, но выразительную: «Береги бабушку. Учись. Надеемся на скорую встречу. Целуем. Мама. Папа».

Радиоприёмника в доме не было. Целый день был включён репродуктор, по которому передавали сводки Совинформбюро, объявляли тревогу и отбой. У меня был только радиоключ, на котором я стал тренироваться, набивая руку. Я выбивал ключом точки и тире: «Смерть немецким захватчикам! Знай, бесно-

ватый Гитлер, что мы победим. Мы победим!» Я выстукивал письма папе и маме. Выстукивал убедительные доводы бабушке. Но то, что я выстукивал, слышал и понимал я один. В эфир мои точки и тире не неслись. Бабушка азбуку Морзе не знала. А я тренировался упорно и вынашивал свой план.

Почти каждый вечер раздавался сигнал тревоги и слышался размеренный, вовсе не тревожный, твёрдый голос Левитана: «Граждане, воздушная тревога! Граждане, воздушная тревога!» Бабушка умоляла спускаться с ней в бомбоубежище, но я спешил на крышу. Только однажды на наш дом посыпались зажигалки. Продолговатые бомбы вертелись как бешеные. Схватив одну за «хвост», я со злобной радостью вкрутил её раскалённую шипящую головку в мокрый песок в ведре.

С крыши соседнего дома строчили в воздух зенитные пулемёты.

Днём я бегал в военкомат. Все ребята бегали туда, и нас, школьников, просто выгоняли, говорили, что мы мешаем работать и что у нас одна задача — хорошо учиться.

Комсомольцы из нашей школы ходили в тир, тренировались в стрельбе.

Наступил октябрь. Гитлеровцы были уже в нескольких километрах от нашей дачи, которую мы сняли и на которой прожили только одни сутки. Это же совсем близко от Москвы. Такое трудно было постигнуть.

Явился дежурный по домоуправлению и объявил, что нам с бабушкой надо срочно эвакуироваться, выдал ей какой-то талон: «Вещи возьмите с собой только те, которые можете нести в руках». Воздушную тревогу в эти дни объявляли несколько раз в день и ночью.

Стали собираться. Бабушка с немим вопросом по-матривала на меня. Я молчал. Был послушен и покорен. Делал всё, что она просила. Собрали два

чемодана и два рюкзака. Бабушка специально положила мои вещи вперемешку со своими. Вымыла посуду, расставила всё по местам, вытерла клеёнку на столе. Я вызвался мыть пол, но она сказала: «Плохая примета, нельзя мыть пол перед отъездом. Мы скоро сюда вернёмся».

Вокруг вокзала и на путях огромная толпа женщин, детей и стариков разыскивала свои поезда и вагоны. Нашли мы с бабушкой в этой невообразимой толчее и свой вагон. Молодая женщина распорядилась посадкой в теплушку: «Женщины с маленькими детьми и старики — на нижние полки, кто помоложе — наверх». Она посмотрела на мою бабушку и распорядилась: «Вам на верхнюю полку».

Посадочная суматоха, шум, споры сменились плачем, рыданиями. Люди словно навеки прощались с Москвой. Тут на помощь молодой женщине, или, как её называли, комиссарше, пришла бабушка. «Вы чего заголосили! Гитлера решили порадовать? С Москвой прощаетесь? — строго и громко сказала она. — Мы ненадолго уезжаем, а Гитлеру в Москве не бывать!»

Постепенно в вагоне наступила тишина. Женщины и дети умаялись за день. Кто-то запел тихо колыбельную: «В няньки я тебе взяла ветер, солнце и орла...»

Бабушка устроила постель, прилегла и вскоре заснула. Я осторожно сунул ей под голову записку, вынул из её сумочки ключи от нашей квартиры, потрогал её косичку, выбившуюся из пучка, поцеловать в щёку не решился — разбуду. Соскользнул с полки.

— Ты куда? — спросила комиссарша. — Скоро отправляться будем.

— Я по нужде, сейчас вернусь, — ответил я, нырнув под вагон. Завыла сирена. Третий раз в этот день. Я побежал...

Поезд ушёл без меня.

«Береги бабушку», — писали мне отец и мать. Я ушёл от неё, чтобы сберечь.

Долго рассказывать, как я мыкался по октябрьской Москве, такой опустошённой, с улицами, переkreщёнными противотанковыми надолбами, с ослепшими окнами домов. Наконец я нашёл пристанище в Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения — ОМСБОНе. Там сумели оценить мои способности работать на радиоключе. 23 октября 1941 года я был зачислен, как значится в моём военном билете, на службу в кадры Вооружённых Сил СССР. В пятнадцать с половиной лет я надел на голову пилотку

...9 мая 1945 года я встретил в Будапеште. Мы карабкались по грудам развалин и расстреливали в воздух оставшиеся патроны, салютуя Победе. Сквозь щёлканье выстрелов слышались звуки музыки. У стен парламента оркестр нашей Краснознамённой орденов Нахимова и Кутузова Дунайской военной флотилии исполнял Вторую венгерскую рапсодию. И мелодия Листа звучала особенно торжественно и победно на обломках фашистского хортистского режима, предвещая венгерскому народу новую жизнь. А потом оркестр исполнил «Тёмную ночь» Никиты Богословского. Советские солдаты и матросы расселись вокруг оркестра в обнимку с венграми и вместе пели.

И вдруг я почувствовал, что кто-то по моей бескомпромиссности выступает: «Победа. Победа».

Оглянулся — Мишка! В сержантской форме. Вот так встреча!

Миша провёл страшную девятисотдневную блокаду в Ленинграде. Родители его погибли: отец на фронте, мать умерла от голода.

— Ну, что ж, — сказал Миша, — мы с тобой тогда думали... — Он сдвинул пилотку на голове. — Помнишь, мы посадили с тобой огород, небось салат выма-

хал за эти годы? А? Поедем урожай собирать. Как там твоя бабушка?

— Бабушка работает в Уфе в госпитале. Где родители — не знаю. Бабушка писала, что воюют в «энской части». А мне ещё служить, — ответил я. — Через пять дней мне исполнится девятнадцать лет. Я обманул командование, прибавил себе два с лишним года. Теперь надо покаяться. Призовут на действительную военную службу.

И призвали!

Всё это, как на киноленте, прокрутилось на бешеной скорости в памяти.

И вот я снова на Курском вокзале. И теперь мне столько лет, сколько было моей бабушке в 1941 году. И сам я стал дедом. Вот так-то!

Оркестр исполнял: «Я, ты, он, она, вместе — целая страна...» — и сотни ребячьих голосов из вагонов озорно и весело продолжали: «Я, ты, он, она вместе — дружная семья...» — и сотни ребячьих рук приветливо махали.

Я смотрел на пустой рукав фанфариста, засунутый под ремень, на его карий мигающий глаз, управляющий оркестром, и думал о том, что этим ребятам, в пионерлагере, не придётся копать траншеи.

Понимают ли они, эти весёлые, озорные ребята, что двадцать миллионов жизней отдано за их детство, что многих старых солдат ещё терзают застрявшие в их теле пули и осколки...

Прошёл вагон, в котором ехали «последние» пионеры. Оркестр замолк.

Я подошёл к киоску. Купил газету. Тревожно в мире... А так хотелось бы, чтобы сбылись слова ребячьей песни: «Я, ты, он, она, вместе — дружная семья...»

Вышел на площадь, взглянул на плывущие над Москвой облака. Где-то там, в космосе, летают советские космические радиоспутники. Многотысячная

армия радилюбителей связывается через них со своими коллегами всех континентов. На околоземной орбите наши радилюбители призывают парней всего мира: «Я, ты, он, она, вместе — дружная семья...» И никогда с советской земли не поднимется голос, призывающий к войне, к вражде. Наш пароль: «Нет — войне, да будет мир!»

Мимо прошагал оркестр. Фанфарист мигнул мне карим глазом.

СОДЕРЖАНИЕ

КЛЯТВА	3
ДЕВЧОНКА С РОСАМИ	12
ОРКЕСТР	

Для младшего школьного возраста

Зоя Ивановна Воскресенская

ОРКЕСТР

ИБ № 8789

Ответственный редактор
С. В. Орлеанская

Художественный редактор
Г. Ф. Ордынский

Технический редактор
Г. Г. Седова

Корректор
Е. И. Щербакова

Сдано в набор 21.05.86. Подписано к печати 22.09.86. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. книжно-журн. импортная. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,0. Усл. кр.-отт. 3,5. Уч.-изд. л. 2,07. Тираж 1 500 000 экз. (3-й завод 1 000 001—1 500 000 экз.). Заказ № 3527. Цена 10 коп. Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфирма Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Воскресенская З. И.

В76 Оркестр: Рассказы/Рис. О. Филипенко.— М.:
Дет. лит., 1986.— 46 с., ил.— (Книга за книгой).

10 к.

В книгу входят рассказы «Клятва», «Девчонка с косами», «Оркестр»

В $\frac{4803010102-528}{M101(03)86}$ 218—86

P2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой»
в 1986 году выходят следующие книги:

Иванов С. ЛЕТО Я ПРОВЕЛА ХОРОШО.

*Рассказ о жизни девочки среди рыбаков в
посёлке на Белом море*

Романовский С. ПЕВУЧАЯ ГОРА.

Рассказ о деревенских ребятах, наших современниках

Твардовский А. РАССКАЗ ТАНКИСТА.

Стихи военных лет.